

ГЛАВА 5

Религия Ксенофана. Гераклит Эфесский

Эти два великих человека, о которых мне хотелось бы рассказать в этой главе, имеют одну общую черту: они оба производят впечатление одиноких путников — глубоких самобытных мыслителей, на которых оказали влияние другие мыслители, но которые не были связаны принадлежностью к какой-либо «школе». Наиболее вероятный период жизни Ксенофана — это столетие после приблизительно 565 года до н. э. В возрасте 92 лет он описывает, как он бродил по греческим государствам (включая, конечно, Великую Грецию) в течение последних шестидесяти семи лет. Он был поэтом, и те фрагменты его прекрасных стихов, что дошли до нас, заставляют глубоко сожалеть, что его, а также гекзаметры и элегические стихи Эмпедокла и Парменида в основном утеряны, хотя сохранились военные песни *Илиады*. Даже то, что сохранилось от всех этих философских поэм, составило бы, по моему мнению, более интересный, стоящий и подходящий предмет для нашего школьного чтения, чем гнев Ахиллеса (если подумать о его содержании)¹. По мнению Виламовица, Ксенофан «утверждал единственный реальный монотеизм, который когда-либо существовал на земле».

Именно он также открыл и правильно объяснил окаменелости в горах на юге Италии — в шестом веке до н. э.! Мне хотелось бы привести здесь несколько его известных фрагментов, которые дают нам представление о позиции передовых мыслителей того периода относительно религии и суеверий. Для предоставления места научному взгляду на мир необходимо было, конечно, сначала освободиться от представлений о Зевсе, извергающем гром и бросающем молнии, об Апполоне, вызывающем бубонную чуму, чтобы излить свой гнев и т. д.

Ксенофан отмечает (фр. 11)², что Гомер и Гесиод приписывают богам все, что считается стыдным и позорным среди смертных, мошенни-

¹ Мне не хотелось бы, чтобы из этого сделали вывод, будто я считаю *Илиаду* исключительно военной песней, потеря которой не вызвала бы глубокого сожаления.

² Нумерация фрагментов приведена по первому изданию книги Дильса.

чество, воровство и адюльтер, а также обман друг друга с неподдельной искренностью. И (фр. 14): «Смертные полагают, что боги рождены как и они сами, носят похожие одежды, их голос и облик напоминают человеческий».

Разрешите мне прерваться на минуту и спросить: как могла широкая общественность Греции принять такое низменное представление о богах? Ответ, я думаю, заключается в том, что им оно не представлялось низменным. Напротив, оно выступало доказательством могущества и свободы богов, их независимости, ведь им разрешено безнаказанно совершать вещи, за которые нас осуждают, потому что мы только бедные простые смертные. Они создавали своих богов в образе великих, богатых, могущественных, сильных и влиятельных людей в своей среде, которые, вероятнее всего, тогда, как и сейчас, могли позволить себе не соблюдать закон и совершать преступления и другие неблагоприятные поступки, благодаря силе своей власти и богатства.

В нескольких фрагментах Ксенофан развенчивает богов парой строк, высмеивая их как существа, которые явно представляют собой лишь плод человеческого воображения.

(Фр. 15) Но, если бы быки, или лошади, или львы имели руки и могли бы рисовать этими руками и создавать произведения искусства подобно людям, то лошади изобразили бы богов похожими на лошадей, а быки похожими на быков, и создали бы их тела такими, каков у каждого собственный облик.

(Фр. 16) Эфиопы создают своих богов черными и курносыми; фракийцы говорят, что у их богов голубые глаза и рыжие волосы.

Затем несколько коротких фрагментов, дающих нам его собственные представления о божестве — несомненно единственном:

(фр. 23) Один только бог, величайший меж богов и людей, и не похож на смертных ни обликом, ни сознанием.

(Фр. 24) Он видит повсюду, мыслит повсюду и слышит повсюду.

(Фр. 25) Но без тяжелого труда он царствует над всем с помощью мысли своего разума.

(фр.26) И он всегда пребывает в одном и том же месте, не двигаясь вовсе; и не подобает ему также переходить то туда, то сюда.

И затем, его агностицизм, который на меня произвел особое впечатление:

(Фр. 24) Никогда не существовало и никогда не будет существовать человека, который обладает определенным знанием о богах и обо всех вещах, о которых я говорю. Даже если ему случится открыть всю истину, он все равно не узнает, что это так. Все это есть ничто иное, как случайное мнение.

Теперь обратимся к мыслителю, жившему немного позднее, Гераклиту Эфесскому. Он был немного моложе (жил примерно в 500 году до н. э.); вероятно, он *не* был учеником Ксенофана, но был знаком с его трудами и находился как под его влиянием, так и под влиянием поздних ионийцев. Уже в античности он слыл «темным», и, на мой взгляд, именно по этой причине его учением воспользовался Зенон, основатель школы стоиков, а позднее и другие стоики, включая Сенеку. Об этом свидетельствуют несколько сохранившихся фрагментов. Детали его физической картины мира представляют небольшой интерес. Общее направление мысли находилось в русле ионийского просвещения, с сильным оттенком агностицизма в духе Ксенофана. Вот несколько ясных и характерных утверждений:

(Фр. 30) Этот мир, одинаковый для нас всех, не создал никто из богов и никто из людей; он всегда был, и есть, и будет вечно живым огнем, который мерами вспыхивает, и мерами потухает.

(Фр. 27) Людей, когда они умирают, ожидает такое, что они никогда не искали или о чем не мечтали.

Как пример одного из темных фрагментов (перевод Бернета):

(фр. 26) Человек зажигает свет для себя в ночное время, когда он умер, но еще жив. Спящий, зрение которого погасло, оживает от мертвого; тот, кто бодрствует, оживает от спящего.

Мне представляется, что ряд фрагментов указывает на очень глубокую эпистемологическую пронизательность, а именно: так как все знание основано на чувственных восприятиях, то они должны иметь равное значение *a priori*, приходят ли они на ум во время бодрствования, сновидений или галлюцинаций как у человека в здравом уме, так и нет. Что составляет разницу и дает нам возможность постепенно создавать на их основе надежную картину мира — так это то, что этот мир можно создать так, чтобы он был *общим* для нас всех, или скорее для всех *бодрствующих, здравомыслящих* людей. (Вы не должны забывать, что в то время привычнее было думать о видениях во сне как о чем-то реальном; греческая мифология изобилует такого рода примерами.) Читаем эти фрагменты:

(Фр. 2) Поэтому необходимо следовать *общему*. Но хотя разум (*λόγος*) *есть* общее, большинство живет, словно у них есть личное, свое собственное понимание.

(Фр. 73) Мы не должны действовать и говорить как спящие. (Объяснение: ибо тогда (во сне) мы тоже верим, что действуем и говорим.)

И главным образом:

(Фр. 114) Те, кто говорит в здравом уме (*ξὺν νόῳ*), должны прочно держаться того, что есть общее для всех, так же как город держится за свои законы, даже еще сильнее; ибо все законы людей питаются одним божественным законом. Он господствует над всем и достаточен для всех вещей с полезным избытком.

(Фр. 89) У бодрствующих есть один общий мир, но каждый спящий обращается к своему собственному миру.

Что особенно меня впечатляет, так это постоянное подчеркивание — прочно держаться того, что является общим — а именно, избегать безумия, избегать оказаться «идиотом» (от *ἴδιος*, личный, свой собственный). Он не был социалистом, а был, пожалуй, аристократом, возможно, «фашистом»³.

Я считаю, что такая трактовка является верной. Нигде я не смог найти разумного объяснения этого «общего» в человеке, похожего на

³От итал. *fascio* — пучок, связка, объединение. — Прим. перев.

него. Однажды он говорит что-то вроде: один гениальный человек имеет большее значение, чем десять тысяч человек толпы. Иногда он очень сильно напоминает Ницше — великого «фашиста»! Все хорошее рождается в борьбе и напряжении.

Итак, я полагаю, смысл состоит в том, что мы формируем представления о реальном мире вокруг нас исходя из факта, что часть наших ощущений и опыта частично совпадает; эта совпадающая часть и есть реальный мир.

Вообще говоря, не следует слишком удивляться, обнаружив иногда глубокую философскую мысль в первых свидетельствах размышлений человека о мире; увидев идеи, сформировать и понять которые стóит нам сейчас некоторых усилий и труда абстрагирования. Можно подумать, что это детство человеческой мысли, фигурально выражаясь, находится «все еще ближе к Природе». Рациональная картина мира еще не была получена, «построение реального мира вокруг нас» еще не достигнуто. В любом случае у нас есть много примеров такой глубокой мысли в древних религиозных писаниях многих народов: индийцев, евреев, персов.

При сравнении этих ранних периодов глубокого философского знания я не могу не вспомнить замечание П. Деуссена, великого исследователя санскрита и интересного философа, который сказал: «Очень жаль, что дети в первые два года своей жизни не могут говорить, ибо тогда они бы, вероятно, могли говорить о философии Канта».